P642

БИБЛІОТЕКА
ИМПЕРАТОРСКАГО
АЛЕКСАНДРОВСКАГО ЛИЦЕЯ

КОМНАТА | ШКАФЪ XI
ПОЛКА 5 | № 8268 ИНВЕНТАРЯ

1838
~~135526.~~

X

РОЖДЕНІЕ

ІОАННА ГРОЗНАГО.

Милому собеседнику и другу
Николаю Андреевичу Лукьянович

отъ автора.

РОЖДЕНІЕ

ІОАННА ГРОЗНАГО.

ПОЭМА ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

СОЧИНЕНІЕ

Барона Розена.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатано въ типографіи Плюшара.

1830.

Б 8р
135526
1838
Уральский Индустриальн. Ин-тут имени С. М. КИРОВА
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
№ 28548.

Печатать позволяется:

Съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, Октября 20 дня 1830 года.

Цензоръ Николай Щегловъ.

РОЖДЕНІЕ
ІОАННА ГРОЗНАГО.

ЧАСТЬ I.

Лѣса, долины и болоты
Немолчный оглашаешь гулъ:
Повсюду Царскія охоты
Удалый слышишися разгулъ:
И конскій топотъ, *ловчихъ* крики,
Нестройный голосъ чуткихъ псовъ,
И правли шумъ, воспорга клики
И звуки громкіе роговъ.
Подъ небомъ кречетъ торопливой
За птицей гонишся пугливой:
Онъ быстрый промахъ далъ — но ей
Не избѣжать его когтей!

Вотъ лебедь, съ гордостью боярской,
Гоститъ у синихъ водъ рѣки!
Подходятъ мѣткіе стрѣлки,
И лебедь — дань трапезѣ Царской —
Внезапной смертью пораженъ!

День вечерѣлъ; со всѣхъ сторонъ
Лихіе всадники съѣзжались,
Вокругъ Державнаго сбирались:
Несомый пламеннымъ конемъ,
Василій, въ шерликѣ богатомъ,
Сіяетъ жемчугомъ и златомъ;
И шапка пышная на немъ;
На шапкѣ перья золотыя
Играютъ съ вѣтромъ, и огнемъ
Горятъ каменья дорогіе;
И на бедрѣ кинжалъ виситъ,
Кистень могучій за спиною —
Царя прекрасенъ гордый видъ!
При немъ съ сѣкирой, съ булавою

Два Князя юные, за нимъ
Весь поѣздъ съ говоромъ глухимъ.

Рукою подалъ знакъ Василій —
И прилетѣли двое слугъ
И подъ устцы коня схватили;
Охота спѣшилася вдругъ;
И Царь слѣзаетъ утомленный,
И вмигъ раскинуты ковры,
И пиръ явился вожделѣнный —
Явились *крайчаго* дары:
Блестятъ ковши, сосуды, чаши . . .
»Да освѣжатся души наши!«
Сказалъ Василій, и рукой
Коснулся чарки золотой;
Онъ раза три перекрестился,
Повелъ рукою по усамъ
И мушкапель поднесъ къ устамъ
И, выпивъ, въ кресла опустился.
Усѣлись гости по коврамъ.

Слышна веселость разговора:
Хвала обильная конямъ,
Борзымъ, и гончимъ и стрѣлкамъ —
Но не безъ строгаго разбора!
Кругомъ стоятъ кречетники;
У каждаго по птицѣ смѣлой
На кисти лѣвыя руки,
И въ чаши медъ струится бѣлый,
Въ вознагражденье за труды,
И съ лицъ смываетъ ихъ слѣды.

Что вдругъ невеселъ Царь Великій?
Молчатъ и гости; но о чемъ
Душа печалится Владыки?
Онъ въ перемирьи съ Королемъ;
Удачный выстрѣлъ Іордана
Сразилъ воинственнаго Хана,
И доблесть Симскаго тогда
Была спаситель Русской чести! ... (1.)
Уже Острожскій (2.) никогда

Не совершитъ кровавой мести!
Присвоилъ Царь себѣ Рязань,
Смирилъ коварную Казань;
Уже извержетъ соръ удѣльный, (3.)
И спитъ желѣзный Плеттенбергъ,
И слава Руси нераздѣльной
Пріобрѣтетъ величья верхъ!

Но Царь забылъ свое величье,
И Поляковъ и цѣлый свѣтъ....
Его мечтанія предметъ —
На древѣ тамъ — гнѣздо лишь пшичье, (4.)
Гдѣ кормитъ мать своихъ дѣтей
Подъ кровомъ лиственныхъ вѣтвей!

Что жъ, конченъ миръ? велѣлъ Василій
Охотѣ пропуститься домой;
И знакъ раздался роговой:
Заржали кони, псы завыли —
И все помчалось по горѣ.
Одинъ Шигона при Царѣ;

Вблизи златая колесница,
И кони дремлютъ, пріунывъ;
Небрежно возжи распустивъ,
Сидитъ задумчивый возница.
Гнѣздо, съ пернатою семьёй,
Багрянороднаго плѣняетъ
И онъ могучею рукой
Слезу съ рѣсницы отираетъ.
Молчанье долгое храня,
Томимый горестнымъ волненьемъ,
Онъ молвилъ съ нѣжнымъ выраженьемъ:
»И птицы счастливѣй меня!
Не радость мнѣ, но горе, горе!
Меня счастливѣй суша, море:
На сушѣ много есть звѣрей,
Но ни единый безъ дѣтей!
Дѣтьми у птичекъ гнѣзды полны,
И на лугахъ трава, цвѣтки,
На полѣ хлѣбъ да васильки;
И по-морю гуляютъ волны,

И рыбы плещутъ по волнамъ!
И суша, море, птицы, рыбы,
И древеса, луга и глыбы,
Вы плодовиты — и я вамъ
Не уподоблюсь, Царь безчадный!
Мое подобье — камень хладный!
О Соломонія, съ тобой
Мы вѣкъ проводимъ безотрадный —
Я былъ бы счастливѣй съ *иной!*»
Одно таинственное слово
Еще сорваться съ устъ готово...
Онъ произнесть его хотѣлъ,
Но что-то странно оробѣлъ:
Глубоко въ сердце страсть запала,
Причина сладостнымъ мечтамъ...
Она противна небесамъ,
Она постыдная опала!
Василій знаетъ всю вину
Противъ душевнаго закона!
Благочестивую жену

Хранитъ завѣтъ Номоканона —
И Царь, съ заботливымъ умомъ,
Таитъ любовь; едва ль о томъ
Узналъ пронырливый Шигона.
Онъ подошелъ и, подобравъ
Полы одежды, поклонился;
Угодникъ хитрый прослезился;
(Его хоть грубъ, но гибокъ нравъ.)
»Отецъ нашъ добрый, милосердый!«
Воскликнулъ онъ; «ты щитъ нашъ твердый!
Царю Великому тебѣ
Желаемъ здравія и счастья,
Въ вѣнцѣ и бармахъ самовластья!
Державный другъ своей рабѣ,
Счастливой Руси! плачъ твой Царскій
Для насъ трудньй, чѣмъ мечъ Татарскій!
Мы всѣ кручинимся съ тобой,
Что не далъ Богъ тебѣ дитяти,
И видно съ этою женой
Тебѣ не будетъ благодати!

Но вотъ замолвлю слово кстати:
Когда заботливый винарь
Свой садъ обходитъ плодородный,
Отъ виноградины негодной
Не терпитъ въ немъ! тебѣ жь, о Царь!
Зачѣмъ смоковницы неплодной
Жалѣть понынѣ? измещи
Ее скорѣй изъ вертограда
И древа лучшаго ищи:
Оно да будетъ намъ отрада!
Увидишь: скоро понесетъ
Благословенный, Царскій плодъ!»

Василій.

Жестокосердый! что ты? Мнѣ ли
Любви и царственной постели
Супругу добрую лишить,
Съ которой много лѣтъ счастливо
Меня державствовать и жить
Сподобилъ Богъ? Неумолимо
Ее отвергнуть не могу

И этимъ тяжкимъ согрѣшеньемъ
Служить лукавому врагу:
Я дорожу народнымъ мнѣньемъ,
Святую Русь мою любя!

Шигона.

Какъ смѣютъ осудить тебя
Твои рабы? ты Царь могущій,
Ты свѣтлый Богъ земной! здѣсь нѣтъ
Тебѣ суда: на небѣ Сущій
Одинъ воспримешъ твой отвѣтъ!

Василій.

Но тѣмъ отвѣтственность тяжелѣ!
Сними ее съ главы моей —
И я отчетъ въ семъ грѣшномъ дѣлѣ
Скорѣе дамъ толпѣ людей.

Шигона.

Великій Царь! чтобъ Русь прославить,
Тебѣ Всевышній Царство далъ;
Но онъ же тѣмъ и обязалъ

Тебя, наслѣдника оставить,
Который могъ бы, въ свой передъ,
Какъ ты, счастливо много лѣтъ
Своими подданными править!
То первый долгъ! такъ говорилъ
Митрополитъ нашъ Даніилъ;
Бояре всѣ того же мнѣнья:
Царю осмѣлюпся предстать —
И ты не будешь отвергать
Сего народнаго моленья!
Хоть грустенъ сердцу твоему
Необходимый долгъ развода —
Но святъ сей долгъ — и гласъ народа
Гласъ Божій! Царь! вотъ почему
Ты долженъ жертвовать ему
Тѣмъ, что тебѣ всего дороже!
Съ покорной промыслу тоской
Пожертвуй доброю женой;
Съ великодушной грустью тоже
На дѣло доброе иди:

Иную милую взведи
Жену на царственное ложе.

Василій.

Я грустно думаю о томъ,
Кого по мнѣ наречь Царемъ:
Моя могучая Держава
Для братьевъ слишкомъ тяжела:
Имъ не по силамъ и управа
Ихъ областей доднесь была;
Могу всѣ ужасы предвидѣть...
Бѣда отеческой страшѣ!
Но все бы не хотѣлось мнѣ
И Соломонію обидѣть!

Инока.

На небѣ бурная гроза;
Въ глазахъ жемчужная слеза:
Гроза взшумитъ, гроза промчится,
Слеза блеснетъ и прокатится!
Природѣ милость отъ грозы,
И сердцу легче отъ слезы!

Никто отъ горя не увянетъ:
Изсякнутъ слезныхъ три ручья —
И Соломонія твоя
Томиться въ кельѣ перестанетъ!
И вѣрь: покой монастыря,
Подобье Ангела святое
Ей замѣнятъ любовь Царя
И велелѣпіе земное!

Василій.

Потомъ что будетъ?

Инока.

Государь!
Какъ знаешь ты: твоя лишь воля!
Не тяжела опшельницъ доля:
Всечасно съ ними Неба Царь!
Но тяжела въ тюрьмѣ неволя,
Гдѣ горю преданная тварь,
Но осужденная правдиво,
Желѣза рветъ нетерпѣливо —

Ахъ, для нея надежды нѣтъ!
Уже давно — съ десятокъ лѣтъ —
Томится плѣнникъ знаменитый, (*)
Царемъ и Богомъ позабытый!
Его великая вина,
Конечно стоитъ казни строгой...
Такъ и не будетъ прощена!
И я бы шелъ своей дорогой,
Совсѣмъ не думая о немъ,
Но это дѣло, видишь, въ чемъ:
Есть солнце красное въ столицѣ,
Родня преступнику въ темницѣ:
О немъ въ печаль погружена,
Ко мнѣ прибѣгнула она.
Ну, чудо-дѣвица младая!
Она румяна и бѣла,
Она развязна и мила,
Жива, какъ пѣсня плясовая!

(*) Михаилъ Глинскій.

Ея одежда какъ нуманъ;
Не въ Русскомъ платьѣ стройный станъ;
Мила уборка головная,
А умъ — какой чудесный умъ!
Онъ такъ и свѣтитъ въ ясномъ взорѣ,
И блестки милыхъ, острыхъ думъ
Играютъ въ бѣгломъ разговорѣ!
На ней сіяетъ благодать,
И ей подобной не сыскать,
Хотя бъ уйти за синє море!
Мнѣ жаль, что съ нѣкихъ поръ она
И нездорова и блѣдна:
Такою спала горемыкой,
Что не походитъ на себя.
Сказать бы слово: Царь Великій!
Елена Глинская: тебя
Просить желаетъ, Бога ради,
Чтобъ не сгубилъ ты до конца
Ея несчастливаго дяди:
На немъ не стало ужъ лица!

Василій.

Елена Глинская! Шигона!
Ты смѣлъ изъ царственнаго лона,
Ты смѣлъ изъ сердца моего
Исхитить тайну!

Шигона.

Ничего
Не знаю, право!

Василій.

Ну, такъ сядемъ:
Пора домой! смотри жь, злодѣй,
Не говори! увижусь съ *ней*,
И посмотрю, какъ дѣло сладимъ!

Такъ искуситель роковой
Умѣлъ провѣдать имя той,
Чья красота Царя плѣнила,
И мысли, чуждыя дотоль,
И неиспытанную боль
Въ душѣ Царевой породила! —
А Соломонія того

Не замѣчала, слѣпо вѣря
Любви супруга своего.
Такая горькая потеря,—
Сама возможность грусти сей
На умъ не приходила ей.
Кто скажетъ: онъ жены не любитъ!
Съ восторгомъ новобрачныхъ дней
Ее, бывало, приголубитъ.....
Увы! не вѣдаетъ она,
Что онъ, мечтами увлеченный,
Цѣлуетъ въ ней — лишь призракъ сна:
Елены образъ воплощенный!
Усердней молится жена
Матеродѣвственной Иконѣ,
Чтобъ встрепенулся наконецъ
Залогъ любви въ неплодномъ лонѣ.
О радость! если бы Творецъ,
За долговѣчное терпѣнье,
Исполнилъ слезное моленье!
Не только набожнымъ трудомъ,

Мольбой, слезами и постомъ —
Она хотѣла бы рожденье
Цѣною жизни искупить,
Чтобъ только друга наградить
Симъ знакомъ Божьей благодати!
У Бога проситъ онъ дитяти,
Но людямъ вслухъ не говоритъ,
Жены въ неплодьи не винитъ.
Привычка къ ней, давно любимой,
Превозмогла бъ огонь въ крови,
И осуждаемой любви
Затмился бъ ликъ неотразимый;
Мишула бъ сладкая бѣда,
Все уступило бъ самовластью
Разсудка Царскаго!.. Къ несчастью
Елена милая тогда,
Съ волшебствомъ ангельскихъ приманокъ,
Порою зрима имъ была:
Она, не Русская, могла
Презрѣть обычай Россіянокъ:

Запершись дома, прясть и шить,
И пѣсни пѣть, не знать веселій,
И лишь тогда въ народѣ быть,
Когда сбирались подъ качели.
Въ боярскихъ обществахъ она,
Красою точно ужь — одна,
Какъ ангелъ дѣвственный, блистала
И свѣтлымъ пламенемъ лица
Иноплеменныя сердца
И души Русскія сжигала:
Для восхитительныхъ красотъ
Забыть ея опальный родъ.
Любезность Польки, умъ Германки,
И скромность нѣжной Россіянки
Сочетавались чудно въ ней —
И нѣги полный, звонкій голосъ,
И взоры — молнія очей!
Въ игривыхъ кольцахъ темный волосъ,
И шея въ крупныхъ жемчугахъ,
Одежда-прелесть, грудь въ цвѣтахъ!

Такъ видѣлъ Царь ее недавно,
И, веселъ сердцемъ и умомъ,
Бесѣду велъ о томъ, о семъ,
Шутилъ пріятно и забавно...
Къ нему завѣтная краса
Лишь обратила очеса —
(Ихъ взоры встрѣтились нежданно)
И вотъ, запутывались странно
Въ невѣрныхъ мысляхъ словеса!
Сія живая перемѣна
Была ль загадкою для всѣхъ?
Царю казалось, что Елена
Его души постигла грѣхъ...
Онъ отвернулся — во мгновенье
Смиривъ сердечное волненье,
Сказалъ: »Я что-то нездоровъ,
Мнѣ дурно!« Вмигъ созвучно, дружно
Спросило много голосовъ:
»Ипти ль за Люевымъ?» 5.)—Не нужно,
Поѣду самъ! —

Поѣхалъ онъ;
Въ непреступаемый законъ
Себѣ рѣшеніе вмѣняя:
Опасной дѣвы избѣгать!
»Не для меня любовь младая,
Шепнулъ онъ: стыдно мнѣ страдать
Недугомъ сердца!«
То охотой,
То Государственной заботой
Себя Державный развлекалъ,
Но часто дѣву вспоминалъ!

Семейство птичье, лесть Шишоны,
Совѣты Пастыря, Бояръ —
Не отстраняются ль препоны?
Его любви преступный жаръ
Подводятъ люди подъ законы,
И важно требуютъ съ него,
Какъ жертвы горестной, того,
Чѣмъ сердцу жертвовать не трудно!

Такъ поступали безразсудно
Льстецы придворные въ тотъ вѣкъ!
Царя ль винить? онъ человѣкъ!
Но правды гласъ былъ слышенъ тоже
Въ совѣтѣ семъ о Царскомъ ложѣ:
Больной возимый во Дворецъ,
Траханіотъ, посолъ ученый — 6.)
И недругъ козней и Шпіоны:
Горы Аѳонскія черпецъ —
Василью молвили безъ лести:
»То знаешь ты и видитъ Богъ,
Что противъ совѣсти и чести
Такой поступокъ!«

Царь не могъ
Досады скрыть необычайной . . .
Опала ждетъ тебя, Максимъ, 7.)
Какъ прежде ни былъ ты любимъ!
И обоихъ въ совѣтъ сей пайный
Не призывали съ оныхъ поръ —
И прекратился всякій споръ.

Конецъ обѣдни православной
Колоколовъ вѣщаетъ зыкъ;
Изъ храма вышелъ Мужъ Державный —
И Серафимы въ свѣтлый ликъ
Вокругъ него вступили вмигъ.
Нѣтъ! то не Ангелы святые
Спорхнули легкою толпой —
Но, имъ подобные красой,
Сіяютъ Рынды молодые!
Великолѣпной бѣлизны,
Воздушной, вольной ширины;
На нихъ атласные покровы;
Топоръ изъ чистаго сребра
Заткнутъ за поясъ пурпуровый:
То стражи Царскаго Двора!
Какъ первый снѣгъ, какъ жаръ-денница,
Блестятъ ихъ дѣвственныя лица —
И видъ сей юной красоты,
Сей нѣжной, дивной простоты
Величье Царское сугубитъ.

Престола ангелы! народъ
На нихъ засматриваться любитъ:
Передъ Царемъ ихъ легкій ходъ
Какъ дѣвы шагъ, какъ духа лётъ!

Средь стражи мило-величавой —
(Межь чистыхъ ангеловъ лукавый)
Предъ очи Царскія предсталъ
Любимецъ хитрый, и вѣщалъ:
»О Государь! вонми моленье
Въ опалѣ бывшаго раба,
Чья пынѣ счастлива судьба —
Не ты ли мнѣ даралъ прощенье?
Ты обласкалъ меня дополь,
Что новой чести ждать я смѣю:
Отвѣдай ты мою хлѣбъ-соль,
И мушкатель и романсю!
Мою семью, мой низкій домъ
Возвесели своимъ лицемъ;
Мои смиренныя Иконы

Молитвой Царскою почти!»
И соизволилъ Царь зайти
Одинъ во храминy Шигоны.
Тамъ ждутъ его, тамъ тишина;
Хозяйка, тучная жена,
При ней двѣ дочери младыя,
И въ непростыя, въ парчевыя
Одѣты ферези! красна
Изба не ими, не углами
И всюду голыми спѣнами —
Красна разсыпавленнымъ виномъ,
Дичиной, рыбой, пирогами
И чашъ привѣтнымъ серебромъ.

И Царь вошелъ; сперва Иконамъ,
Съ желаньемъ здравія потомъ
Семьѣ, по двумъ иль тремъ поклонамъ,
И благосклонно говорилъ,
И вотъ къ закускѣ приступилъ.
Мигнулъ хранитель Царскихъ чашъ;

Одна ушла, другая дщерь,
Сама хозяйка — и хозяинъ
Повелъ Царя въ другую дверь . . .
Но что жъ увидитъ онъ теперь?
Шигона скрылся. Вотъ, уныло
Сіяетъ тамъ любви свѣтило:
Тамъ дѣва юная одна,
Въ покровахъ скорби, у окна,
И плачетъ... Трогательно-мило,
Со стройной ловкостью *она*,
Красою славная Елена —
Склоняетъ медленно колѣна:
»Предъ вседушіемъ пвоимъ
Я повергаюсь, о Властитель!
Внемли на часъ мольбамъ моимъ,
Будь тяжкой скорби усладитель!
Подобье Бога, будь ему
И въ милосердіи подобенъ!
Я знаю, сердцемъ ты незлобенъ:
Прощать ты можешь! потому,

Во имя благости и славы,
Разверзни грозную тюрьму,
Гдѣ дяди призракъ величавый —
Онъ тѣнь уже, не человѣкъ —
Въ цѣпяхъ скончаетъ грустный вѣкъ!
Сей мощный духъ уже подавленъ,
И казнью, большею, чѣмъ смерть,
Уже поруганъ, обезславленъ!
Ему узрѣть дай неба твердь,
Вину оплакивать на волѣ,
Цареву руку лобызать
За милость Божію! Еще ли,
О Государь, ему страдать!»
Съ отрадой тайною ей внемля,
Царь говоритъ, ее подъемля:
»Дѣвица красная! мнѣ жаль,
Что ты спознала грусть-печаль....
Что сдѣлалъ *онъ*, тебѣ извѣстно:
Онъ льстилъ мнѣ, втайнѣ зло творя,
И не *держалъ* онъ *строго, честно*

Святаго *имени Царя!*
Не искупается измѣна
Споричной смертью! не могу.
Еще простить сему врагу —
Онъ врагъ отечества!... Елена!
Меня разжалобила ты —
Твоя душевная унылость!
И, ради милой красоты,
Одну оказываю милость:
Желѣза съ дяди твоего
Я снять велю — и для него
Должна быть легче тягость плѣна!
Когда нибудь — но не теперь —
Его тюрьмы отверзну дверь!»
И благодарная Елена,
Багрянцемъ радости горя,
Склоняетъ сызнова колѣна;
Въ Царевы очи взоръ вперя,
Лобзаетъ руку у Царя.
Но очи, очи! что за нѣжность!

Ахъ, сколько страсти! какъ свѣтло
Въ нихъ дышетъ гордая надежность
Побѣды славной! Царь въ число
Ее лобзаетъ..... благосклонной
Его рукой увлечена,
Съ какой-то сладостію сонной
Ко груди царственной она
Припала грудью благовонной! —
Она вздрогнула .... Одного ль
Довольно робкаго движенья?
Елена, чистая доколь,
Была слабѣе искушенья —
Честолюбивыя мечты
Волнуютъ душу красоты!
Но благодарности личина
Ея скрываетъ тонкій грѣхъ —
И неприступную для всѣхъ
Ласкаетъ дѣвицу мужчина .....
«Ты любишь?« вопрошаетъ онъ,
»Царя любить святой законъ!«

Отвѣтъ былъ сладкозвучной лести.
По вдругъ опомнясь, взоръ склоня,
Во имя дѣвической чести:
«Чего ты хочешь отъ меня?«
Она застѣнчиво спросила;
»За милость къ дядѣ моему
Я отъ души благодарила
Свою рабыню почему
Такъ крѣпко жмешь къ Царевой груди?
Когда о томъ узнаютъ люди,
Ахъ, что̀ подумаютъ! ужель
Твоя губительная цѣль:
Младую дочь семьи опальной
Содѣлать жертвою печальной?«
— Ты мной любима, милый другъ!
Ты изо всѣхъ краса-дѣвица,
Ты съ вѣнкой мира голубица!
»О Царь Великій, ты супругъ!«
— Она отложится отъ свѣта!
Ища небеснаго предмета,

Въ немъ радость лучшую найдетъ!
Тебя я выше всѣхъ поставлю,
Елена Глинская! твой родъ,
Доднесь опальный, я прославлю!
Съ скрыжалей памяти сотру
Измѣны повѣсть; успокоясь,
Тебя въ супруги изберу —
Ты сронишь дѣвственный свой поясъ
На ложе Царское! —

Она,

Огнемъ стыда опалена,
Склонила длинныя рѣсницы....
И, ничего не говоря,
Съ восторгомъ будущей Царицы
Обняла страстнаго Царя.

РОЖДЕНІЕ
ІОАННА ГРОЗНАГО.

ЧАСТЬ II.

Ты, Соломонія, не знаешь
И не предчувствуешь бѣды;
Съ жезломъ въ рукѣ, впечатлѣваешь
Въ пескахъ смиренные слѣды!
Встрѣчаясь съ путницею бѣдной
И отъ прудовъ духовныхъ блѣдной,
Кто бъ молвилъ: Царская жена!
При ней Боярыня одна,
И съ нею инокъ-покровитель.
Царица странствуетъ въ Обитель
Святаго Сергія.

Она

Надеждой свѣтлою полна:
Тамъ просіяетъ милость Бога!
Тамъ осчастливлена была
Когда-то дочь Палеолога:
И на молиться въ Лавру шла —
Лежала на сердцѣ кручина:
Не даровалъ Господь сей сына!
Но близъ Обители она
Священнымъ страхомъ смущена,
И видитъ сонъ, ясиѣе ведра:
Предъ нею Сергій, весь въ лучахъ,
Съ младенцемъ милымъ на рукахъ;
Сказавъ: »Прими!« въ ея онъ нѣдра
Младенца ввергнулъ — и исчезъ!
И нѣдра долго трепетали,
Пріявъ священный даръ небесъ;
Благоговѣйно люди ждали:
Родился Царь, отчизны другъ; —
И Соломоніи супругъ! 8).

Сіе видѣніе тревожитъ
Ее, безчадную жену;
Она лелѣетъ мысль одну:
Уже ли Вѣра не возложетъ!

Раступъ двѣ липы; въ ихъ пѣни
Сидятъ, усталые, они.
Чуть дышетъ воздухъ благовонной;
Предъ ними рощи полукругъ
Вдали обхватываетъ лугъ,
Лежащій скатертью зеленой:
На немъ цвѣты, на немъ стада
И воды синія пруда.
Порой звучитъ рожокъ пастушій;
Въ селеньи дальнемъ крикъ петушій;
Вблизи лачуга: у воротъ
Сидитъ хозяинъ и поетъ:

Псковъ Великій, Псковъ любимый, 9).
Добрыхъ гражданъ вольный свѣтъ!

Псковъ великій, градъ родимый,
Ты упалъ, тебя ужь нѣтъ!

И тебя постигла злая
Новагорода судьба:
Ольги родина святая,
Ты Московская раба!

Красота, богатство, люди —
Три младенца, безъ вины,
У твоей питались груди
Вольнымъ духомъ старины!

Ты узрѣла надъ собою
Многокрылаго Орла ....
Ты поникла головою,
Слезы горькія лила ....

Опъ желѣзными когтями
Лоно матери терзалъ,

И, не пропутый слезами,
Трехъ младенцевъ заклевалъ!

Мужъ законный, долговѣчный
Отъ тебя въ неволю взятъ:
Ахъ, твой колоколъ сердечный!
Гдѣ теперь въ него звонятъ?

Горемычная вдовица,
Нѣтъ тебѣ и намъ житья!
Не померкла ли зѣница
Вѣчно-слезная твоя?

Мы далеко ... мы попынѣ
Люпой плачемся судьбѣ:
Матерь! душно на чужбинѣ —
Сердце просится къ тебѣ!

Но Орелъ сей многокрылый,
Насъ одинхъ ли онъ сразилъ?

Имъ разтерзанъ Дмитрій милый, (10).
Онъ Шемякина убилъ!... (11).

А Господняя десница
Мстить за грѣшныя дѣла: —
Съ нимъ неплодная Орлица
Милыхъ чадъ не прижила!...

Какъ простодушны, какъ жестоки
Сіи нежданные упреки!
Ужасной правдой сражена,
Заплакавъ, Царская жена,
Столь грустно на небо глядѣла,
Какъ бы разжалобить хотѣла
Неумолимаго Творца.
Она позвать къ себѣ велѣла
Немилосердаго пѣвца.
Онъ на привѣтственное слово
Отвѣтилъ кратко и сурово.
» Садись, мой другъ! тоскуй со мной:

И я несчастна! предъ собой
Ты зришь неплодную Орлицу —
Твою безчадную Царицу! . . .
Ты удивляешься, что съ ней
Не свѣтлый блескъ, не блескъ престольный!
За то есть слезы у очей,
Охъ, много свѣтлыхъ слезъ у ней!
Бесѣдуй съ нищей богомольной,
И что съ тобой, повѣдай ей!«

— Я изъ *Посадничьихъ дѣтей*, (12.)
Я Псковитянинъ *добровольный!*
Судьба мнѣ тяжкій крестъ дала:
Я безъ отчизны сиротствую!
Но ты, ты не должна была
Подслушать пѣснь заповѣдную . . . .
То пѣснь про родину мою —
Я день и ночь ее пою!
Она душѣ моей опальной
Напоминаетъ градъ мой дальной,

И дѣву съ милою красой,
И Вѣче съ шумною толпой
И свѣтлый храмъ *Живоначальной!*
Погибло много; Псковъ родной
Уподобляется пустынѣ!
Погибло все — но много тамъ
Осталось мплаго понынѣ!
И такъ по очереди вамъ
Я все повѣдаю, Царица!
Тяжка Василія десница!
Въ слезахъ сложилъ я пѣснь свою —
И пѣснь пою и слезы лью!
Я въ пеленахъ спалъ сиротою.
Я помню: дѣдушка со мною
Въ Москву поѣхалъ ... Отчій Псковъ
Намъ вслѣдъ смотрѣлъ изъ за лѣсовъ —
Младенца слезы побѣжали ....
Далеко кони насъ помчали!
Меня увидѣлъ Царскій внукъ,
Димитрій милый; мы спознались,

Онъ сталъ мой неразлучный другъ —
Мы вмѣстѣ дѣтствомъ наслаждались!
Его на Царство дѣдъ вѣнчалъ:
Я видѣлъ тотъ обрядъ священный!
Онъ на амвонѣ возсѣдалъ,
Въ вѣнцѣ, и въ бармы облеченный!
Но не исполнился завѣтъ
Обряда Царственнаго! Дѣдъ
Обидѣлъ внука — и Василій
Пріялъ Державу отъ него;
И какъ ужасно согрѣшили
Противъ Димитрія — Его
Въ тюрьму-палату заключили!
Четыре года съ нимъ я пилъ
Темницы воздухъ! О, какъ милъ
Былъ тихій мученикъ державный,
Сей юноша, въ народѣ славный!
Онъ въ цвѣтѣ лѣтъ и полный силъ,
Былъ преданъ горестному плѣну!
Его страданьямъ и скорбямъ,

Тюремнымъ пѣснямъ и слезамъ
Единый Богъ лишь знаетъ цѣну!
Я плакалъ съ нимъ: какъ было жаль
Такого ангела! могила
Его ждала . . . . тоска-печаль
Младое сердце истомила!
Онъ отходилъ, онъ побѣдѣлъ —
Я остывалъ и каменѣлъ . . .
Въ тотъ мигъ мы были мертвы оба!
Живой, онъ бѣдная былъ тварь —
Но, мертвый, сталъ онъ пышный Царь!
Уже ль ему за всѣ печали,
За столько слезъ и столько бѣдъ,
И за неволю юныхъ лѣтъ —
Могилой Царской мздовоздали? (13.)

Я возвратился въ градъ родной.
Тамъ, подъ управою народной,
Моихъ сограждан духъ свободный
Мнѣ вѣялъ радостью святой!
Подъ сѣнью отческаго крова

Я ожилъ гордой жизнью Пскова;
Мнѣ посчастливилось узнать
Любви восторгъ и благодать —
Наталья милая!...
Но горе
Для насъ готовилося!... Вскорѣ
Къ намъ перепала злая вѣсть,
Что волю, колоколъ и честь
У насъ отнимутъ! Недалече
Былъ Царскій Дворъ... и вопъ посолъ
Пріѣхалъ къ намъ: его глаголъ,
Что трубный звукъ, на древнемъ Вѣчѣ
О преставленьи возвѣстилъ!...
Ахъ, на отвѣтъ не стало силъ —
И онъ до утра былъ отложенъ!
Сей день, Царица, ночь сія —
Трудней боренья бытія
Со смертью были!.. Псковъ, встревоженъ,
Стеная, руки воздѣвалъ...
Отецъ семью благословлялъ

При лунномъ свѣтѣ страшной ночи —
И всѣ мы выплакали очи!...
Кто не былъ между насъ тогда,
Тотъ не видалъ святаго горя,
Тотъ не увидитъ никогда
Такой бѣды, такого моря
Народныхъ слезъ!....
И я рыдалъ,
Но смѣло вольныхъ братьевъ звалъ,
Не пережить завѣтной славы —
И общей смертью роковой
За наши древніе уставы
Увѣковѣчить громкій бой!
Мы смертной требовали чаши:
Кипѣла грудь избыткомъ силъ!
Но не хотѣли старцы наши,
Чтобъ Псковъ Великій измѣнилъ
Обѣту крестному!...
Мы правы:
Мы не добыли грѣшной славы!

Мы, плачъ покорности творя,
Свой древній Псковъ Царю отдали: —
Но, средь торжественной печали,
Клятвопреступнаго Царя
Суду небесному предали!... (14.)
Людей ссылалъ онъ въ край чужой:
Сколь грозно власть его воздвиглась!
И чтобъ избѣгнуть ссылки той,
Съ своей унылою семьёй
Моя Наталія постриглась!... (15.)
И я былъ сосланъ подъ Москву;
И я извѣдалъ горечь ссылки,
Бывъ въ чужѣ преданъ спротиву...
Въ упыньи гаснулъ духъ мой пылкій,
И стало око безъ огня.
Шемякинъ выпросилъ меня
У непреклоннаго Василья —
И взялъ къ себѣ; при немъ я жилъ
Среди довольства и обилья —
Онъ раны сердца залечилъ!

Онъ былъ послѣдній Князь удѣльный,
Но вѣрный былъ Царю слуга!
Ударъ готовился смертельный!
Василій, съ хипростью врага
Его сманивъ въ свою столицу,
Лишилъ наслѣдства, безъ труда,
И вдругъ — безъ правды и суда,
Повергнулъ въ мрачную темницу —
И славный Князь, краса Князей,
Погибъ въ цѣпяхъ! —
Я безъ цѣпей

Еще дышу; но хуже цѣпи
Лежитъ на сердцѣ сиротство!
Живу — не знаю для чего —
И жизнь пуста — и пуще степи!
И мнѣ наказано опять
Въ землѣ Московской горевать!

Ты видишь, добрая Царица,
Что́ сдѣлалъ грозный твой супругъ!
Товарищъ игръ, душа-дѣвица,

Отчизна славная и другъ —
Все, чѣмъ прелестенъ міръ юдольный,
Ахъ все, чѣмъ сладокъ воздухъ вольный,
Всѣмъ Богъ счастливца надѣлилъ...
Все отнялъ Царь — и умертвилъ!.. —

» Мой другъ! я чту твои страданья;
Но васъ не можетъ разсудить
Супруга, жадная любить!
Всѣ эти темныя дѣянья
Для благъ людей (такъ мнится намъ)
Три грустныхъ жертвы небесамъ!
Но вотъ что страшно: при несчастья,
Въ счастливый вѣкъ единовластья,
Касались всѣ твоихъ друзей,
Любви и родины твоей, —
По волѣ Бога непонятной!
Многострадальный мужъ! за что
Въ тебя ударилъ громъ трикратный!
Но слушай: ежели за то

Нѣтъ благодати съ Царскимъ домомъ,
И Царь Господень гнѣвъ навлекъ —
Такъ ты, тройнымъ сраженный громомъ,
Избранный небомъ человѣкъ,
Великодушный, благородный,
Который властенъ: одръ неплодный
Своимъ прощеньемъ осѣнять!
Народа плачущая мать —
Царица молитъ, предъ тобою
Склонясь невинною главою:
Сними заклятіе! спаси
Меня отъ вѣчнаго неплодья,
И мнѣ блаженство чадородья
Со мною въ Лаврѣ испроси!« ..

— Что ты промолвила? я еле
Такую рѣчь могу понять!
Уже ль я властенъ въ самомъ дѣлѣ,
Своимъ прощеньемъ осѣнять
Твое супружеское ложе?

Простить ли, нѣтъ ли? Вѣчный Боже!
Простить!.. Прощеньемъ воздаю
За этотъ Царскій громъ прикрашный,
За все, за Псковъ мой невозвратный!
Забуду все — и пѣснь мою!
Иду съ тобой, иду молиться
О чадородіи твоемъ!
Прощаю все! съ моимъ Царемъ
Иду предъ Богомъ примириться! — (16.)

Надеждой тихою дыша,
Она изъ Лавры возвратилась,
И видно было, что душа
Огнемъ священнымъ озарилась.
Еще цвѣтетъ ея краса;
Еще блестятъ, какъ небеса,
Ея лазоревыя очи!
Въ ея супружеской сѣни
Проходятъ счастливые дни,
Благовѣстительныя ночи.

Она растрогано-нѣжна,
Она торжественно-спокойна!
Василій чувствуетъ: она
Его любви вполнѣ достойна;
Хотя не вѣритъ онъ, что ей
Еще быть матерью возможно —
Но онъ, изъ жалости, отъ ней
Еще скрываетъ осторожно,
Какъ измѣнилось сердце въ немъ!
Глубоко тронутъ и умиленъ
Властитель добрый; онъ ни въ чемъ
Ей отказать теперь не силенъ:
Она повѣдала ему
О Псковитянинѣ опальномъ,
Столь несчастливомъ и печальномъ.
»Онъ воленъ — быть по твоему!«
И Псковитянинъ добровольный,
Окинувъ взоромъ градъ престольный:
»Царица красная, прости!
Ахъ, во свояси мнѣ итти!

Узрю я вновь мою любовь,
Мой отчій кровъ, мой добрый Псковъ!
Но Пскова нѣтъ, Натальи нѣтъ —
Я тамъ узрю невольный свѣтъ!
Не жить мнѣ въ той странѣ святой,
Но сладко спать подъ той землей —
Да будетъ тлѣющая плоть
Землею Пскова — дай Господь!«

Быть дѣлу такъ! они рѣшили.
Сѣдитъ въ Палатѣ Царь Василій;
Верховный пастырь Даніилъ,
Среди услужниковъ придворныхъ,
Въ блестящихъ платьяхъ, въ рясахъ черныхъ,
О чемъ - то важно говорилъ.
Межь нихъ, неправдою обиженъ,
Неволей нѣкогда постриженъ,
Былъ знаменитый Вассіанъ,
Отшельникъ, Княжескаго рода,
Любовь Царя, любовь народа,

Лучемъ величья осіянъ.
Его глаголъ, подобный грому,
Всегда за истину звучалъ;
Всеобщій гласъ уподоблялъ
Его Антонію святому.

Веселой жизнію полна,
Къ нимъ Соломонія явилась —
И въ то мгновенье тишина
Благоговѣйно воцарилась;
Живою краскою горя,
Смутился свѣтлый ликъ Царя.

Митрополитъ прервалъ молчанье,
Поднявъ глаза: »Лишь тотъ счастливъ,
Кто вѣчной правдѣ послушливъ,
Пріялъ монашеское званье!
Пусть міръ весь въ келлію вмѣсненъ. —
Но въ этой келліи Сіонъ!
Тамъ вѣній свѣтъ очамъ сіяетъ,

Тамъ Благодать мироухаетъ!
Лишь Инокъ воленъ! Вы въ тюрьмѣ
Своихъ страстей, вашъ умъ въ туманѣ!
Вы, суетливые міряне,
Вы обитаете во тмѣ!
Кто міру жилъ въ лѣта младыя,
Духовной жизнью замѣнц
Увеселенія земныя:
Не долговѣчны ваши дни,
Но вѣчны радости святыя!
Летятъ мгновенья! Къ вамъ спѣша,
Мигъ настаетъ неизбѣжимый —
И ваша робкая душа
На ложѣ смерти проситъ схимы!
Чудесно, радостно подъ ней
Составы бренные встрепещутъ,
И взорамъ меркнувшихъ очей
Видѣнья райскія возблещутъ!
Что утѣшаетъ въ смертный часъ,
То правда вѣчная для насъ —

Земное пусто и ничтожно!
Зачѣмъ же привязуетъ васъ
Все, что обманчиво и ложно?

» Не къ Вѣнценосцу рѣчь сія —
Великій Царь, ты Око міра!
Царева схима — есть Порфира,
И Царство — келлія твоя!
Хоругвями ты добръ правишь,
И громогласною войной
Ты Бога истиннаго славишь,
Равно какъ тихою мольбой
Въ пещерѣ набожный молчальникъ!
Онъ усмиряетъ лишь себя,
А ты для всѣхъ Миропачальникъ —
Во вѣкъ восхвалимъ мы тебя!

» Но ты, Царица! предъ тобою
Святую Истину открою:
Ты слушай, мудрая жена!
Тебя ничто не привязуетъ

Къ юдоли сей, гдѣ духъ тоскуетъ;
Ничто! неплодны ложесна —
И чадородія недуги
Шли мимо Царскія супруги!
Тебѣ дано было вкушать
Всю нѣгу жизни, все веселье!
Усталыхъ чувствъ пройдетъ похмѣлье —
Оно не можетъ счастья дать!
Когда нибудь и ты скончать
Свой вѣкъ должна!.. Въ сѣни Палаты,
Гдѣ люди всѣ тщетой объяты,
Ты мига смертнаго не жди:
Осѣнена *Его* Десницей
Ты добровольно низойди —
Великодушною Царицей —
Съ престола въ келлію ...и тамъ
Живи единымъ небесамъ,
Безгрѣшной, кроткой голубицей!
Тамъ Серафимъ твой братъ и другъ,
И твой спасительный супругъ

Сіона Голубь! « . . .

Соломонія.

Пастырь! что ты?

Моей души не омрачать
Земныя, легкія заботы:
Молюсь, подъ сѣнію палать,
Святой Иконѣ чудотворной;
Какъ бы молилась въ рясѣ черной!
И крылья Божіи хранятъ
Меня и здѣсь опять согрѣшенній:
Тиха, счастлива жизнь моя,
И безъ порочныхъ наслажденій —
Земля и небо мнѣ друзья!
Но безъ любови сердце тужитъ!
Жена любовью небу служитъ,
И благонравная жена
Для счастья мужа создана!
Вотъ также Истина святая!
Люблю, покуда жизнь земная
Еще моя . . . я двумъ Царямъ

Принадлежу, и здѣсь и тамъ!
Меня могила не тревожитъ!
Не буду матерью? какъ знать!
Кто Аврааму чадъ создать
Изъ камней могъ бы — тотъ и можетъ
Во чревѣ женщины для васъ
Создать Царя! Кто въ дивный часъ
Свершилъ великое надъ старой —
Еще не вѣрующей — Сарой....
Тотъ осѣняетъ и меня —
И вы возрадуетесь чуду:
Вы доживете всѣ до дня,
Когда я матерію буду!

Шигона.

Царица милая! давно
Мы слышимъ, ты твердишь одно;
И между тѣмъ проходятъ лѣта —
И ты попрѣ все одна,
И все, какъ дѣвица, спройна —
Гдѣ жь чадородія примѣта?

Давно разумный человѣкъ
Надежду всякую покинулъ:
Моленья наши Богъ отринулъ
Не будешь матерью во вѣкъ!
Женѣ безчадной какъ-то спыдно
Между людьми; не лучшель жить,
Гдѣ грѣшныхъ лицъ мірскихъ не видно?
Богоневѣстой скромной быть,
Самой Царицѣ не обидно!

Соломонія. (къ Царю)

И Ты безмолвствуешь, мой другъ!

Василій.

Моя Царица! твой супругъ
Рѣшился жертвовать собою,
И всѣмъ на свѣтѣ — и тобою —
Для вѣрныхъ благъ людей своихъ!
Что жизнь? подумай: шагъ и мигъ!
Я отложусь отъ міра тоже:
Меня ты слушаешь, о Боже!
Я мірянином не умру:

Чтобъ небомъ вдвое быть любиму,
Я облекусь въ честную схиму!...
Тебя жь, какъ добрую сестру,
Все буду помнить — будь святая!

Соломонія.

Скажи: что значитъ рѣчь такая —
И что я сдѣлала? Меня ль
Ты разлюбилъ? Тебѣ не жаль,
Меня упрашивать, быть жертвой,
И для тебя: сердечной другъ,
На вѣкъ потеряшной — и мертвой,
При полной жизни! Какъ ты вдругъ,
Перемѣнился!.. *Мой* супругъ!
Ты вѣруй въ Божескую милость —
И насъ порадуетъ она
Младенцемъ милымъ! Мнѣ страшна
Твоя суровая унылость!
Не разлюби жены своей!
Ты не забудь: въ Палатѣ сей,
Здѣсь началося счастье наше!

Ты юный, Царственный женихъ,
Изъ пяти сотъ дѣвицъ младыхъ —
Одна другой милѣе, краше —
Меня ты избралъ... и меня
Ты цѣлованьемъ удостоилъ
И имъ на вѣкъ себѣ присвоилъ!
Съ сего торжественнаго дня
Не благоденствуемъ ли оба?
Не ты ль клялся любить одну
Твою избранную жену —
И всей душой любить до гроба!

Василій.

Прошедшимъ днямъ возврата нѣтъ!
Рѣшись: монашества обѣтъ
Произнеси — се гласъ народа!

Всѣ (кромѣ одного)

Ты произнесть его должна:
Ты злополучная жена —
Ты гибель Царственнаго рода!

Соломонія.

Вы нечестивцы! Я должна?
Что нѣтъ дѣтей, моя ль вина?
(Къ Царю.)
Ты вспомни Дмитрія! — Не мною,
Невинной, слабою женою,
Измученъ онъ — но Богъ во мнѣ
Твои дѣянья наказуетъ!
Година бѣдствія минуетъ —
Повѣрь! и все тебѣ въ женѣ
Господь проститъ — и прежде года!
(Бросаясь въ его объятія)
Нѣтъ, отъ тебя я не пойду!
Не предавай меня стыду
И посмѣянію народа —
Я не могу черницей быть...
Я лишь тебя могу любить!

Василій.

Охъ, ты не мучь меня слезами —
Онѣ напрасны! Между нами

Союзъ расторгнутъ! Ты иди...
Сей часъ! Шигона! проводи
Ее въ дѣвичію Обитель!
Проспи!

Соломонія.

Мой мужъ, мой Царь-мучитель!
Охъ, что ты дѣлаешь со мной —
О сжалься, другъ мой! Сжалытесь, люди!

Шигона дерзкою рукой
Ее отторгъ отъ Царской груди,
Ему готовились помочь...
Василій отступаетъ прочь;
Лице закрывъ, Царицу предалъ —
Но слышитъ вопль: «Душа моя!»

Но кто жь ее въ обиду не далъ?
Какъ нѣкій высшій судія,
Ее подъ сѣнь своей защиты
Взялъ мужъ безстрашный, знаменитый,
Лучемъ величья осіялъ,

Посланникъ Бога — Вассіанъ!
Предъ нимъ умолкнулъ шумъ пиръ дикій,
Пресѣкся жертвы плачъ великій —
И всѣхъ объялъ священный страхъ.
»Внемли, Великій во Царяхъ!
Когда не хочешь отложиться
Отъ міра вѣрная жена,
Такъ ты обязанъ покориться
Закону вѣчному: она
Съ тобой предъ Богомъ сведена!
Ни благодѣяніе народа,
Ничто, ничто не извинитъ
Сего постыднаго развода —
Не правъ предъ Богомъ пивой Синклитъ!
Въ тебѣ есть сердце, а не камень —
Такъ сострадай женѣ своей!
Слезами горькими залей
Свой беззаконный, грѣшный пламень —
Есть Сердцевѣдецъ надъ тобой!
Грѣшно и думать о *другой*...

А твой насильственный и грубый
Съ женой поступокъ — грѣхъ сугубый!

(После нѣкотораго молчанія)

Святаго Духа полнъ, я здѣсь,
Какъ провозвѣстникъ, предрекаю
Опредѣленіе небесъ
Тебѣ и отческому краю:
Изъ Соломоніи твоей
Изыдетъ царственное древо,
Ливанскій кедръ, страны своей
Краса-любовь, Отецъ Царей —
Богъ осѣнилъ Царицы чрево!
Вонми: когда нарушишь ты
Уставъ супружества святый,
Когда расторгнешь связь съ женою —
Тогда погибнетъ вѣщій плодъ
И съ нимъ блаженный Царскій родъ!
Когда-оженишься иною,
Тогда Всевышній проклянетъ
Твой одръ — и будетъ *чадо злое*!

При немъ до смерти возскорбитъ
И тьму кромѣшнюю узритъ
Твое отечество святое:
Главы вельможъ, невинности дѣвъ,
И веси, грады и семейства —
Все поглотитъ ужасный зѣвъ
На роковомъ пиру злодѣйства!
И тигра Царственнаго ревъ
Во гробѣ отческомъ отгрянетъ
И восколеблетъ Руси тверды...
Его рожденье, жизнь и смерть
Равно пугать всю землю спанетъ!
И ты, Василій, бѣдствій всѣхъ,
И крови, слезъ и золъ причина...
Ахъ, на тебя падетъ сей грѣхъ —
Отвѣтишь Господу за сына!» (17.)

Умолкъ — и всѣ молчали съ нимъ:
Великъ былъ ужасъ сей нежданный —
И *онъ* споялъ, какъ Херувимъ,

Небеснымъ гнѣвомъ осіянный!
Смотрѣли долу всѣ; одна,
Преображенна и блѣдна,
Лишь Соломонія взирала
Недвижнымъ окомъ на него
И длань священную его
Къ тревожнымъ персямъ прижимала.
Шигона, властью адскихъ силъ,
Разрушилъ важность предвѣщанья;
Онъ святость дивнаго молчанья
Недобрымъ словомъ осквернилъ.
Взропталъ соборъ; душа Царева
Вспылала яростію гнѣва:
»Въ желѣза скуйте наглеца!«
И вотъ! святаго чернеца
Волочутъ въ страшную темницу...
Несутъ и бѣдную Царицу!
Покоенъ онъ; безъ чувствъ она —
И Царь блѣднѣе полотна! (18)

РОЖДЕНІЕ
ІОАННА ГРОЗНАГО.

ЧАСТЬ III.

Она въ стѣнахъ монастыря.
Во имя грознаго Царя,
Шигона, съ наглостью безумной,
Во храмъ несчастную влачилъ
И беззаконно торопилъ
Обрядъ насильственный и шумный.
Печаленъ былъ обрядъ святой:
Его безславили угрозы!
И Соломонии рѣкой
Лилися царственныя слезы...
Стенала бѣдная жена,
Не внемля страшному велѣнью —

И съ нѣкимъ бѣшенствомъ она
Сопротивлялась постриженью:
Рвала покровы — ликъ ее
Являлъ несказанную муку;
Шигона поднялъ на нее
Во вѣки проклятую руку... (19.)

Свершилось все! Москва грустна;
Въ палатахъ Царскихъ тишина;
И Царь угрюмъ и недоволенъ;
Онъ нелюдимъ, и слабъ и боленъ:
Онъ строгой совѣсти свой долгъ
Платилъ безсонными ночами!
Но въ немъ упрека гласъ умолкъ —
И снова, тяжкими порами,
Судить, *рядить* онъ *землю* сталъ
И день веселья поджидалъ.
Межъ тѣмъ Боярскія дѣвицы,
Гордяся славой красоты,
Предъ чистымъ зеркаломъ свѣтлицы

Питали сладкія мечты:
Опѣ отовились въ Царицы!
Не для *него*-ль, изъ разныхъ мѣстъ,
Когда-то вызвали невѣстъ?
Не знатностью Рюриковой крови,
Но только сердца чистоты,
И стройностью, свѣжестью, красота,
Дугою шелковыя брови
И очи полныя любови —
Рѣшили выборъ!

Царь влюбленъ! —
Обычай милый отмѣненъ!
Съ мечтой простишесь исполнской:
Ужь объявилъ верховный Дьякъ,
Что вашъ женихъ вступаетъ въ бракъ,
Въ такой-то день, съ Княжною Глинской!

Въ *Палатѣ Средней* столъ накрытъ;
Палата пышностью блеститъ!
Одѣты бархатомъ два мѣста,

И два зголовія на нихъ:
Державный сядетъ тамъ женихъ,
Тамъ сядетъ Царская невѣста!
Уже Елена изъ своихъ
Идетъ хоромъ — очей веселье!
Она въ одеждѣ опашной,
Въ атласной ферези, въ златой
Съ жемчугомъ лентѣ, въ ожерельѣ
И въ зарукавьяхъ: — вся блеститъ
Сребромъ, и златомъ и багрянцемъ,
И вся алмазами горитъ
И нѣжнымъ, дѣвственнымъ румянцемъ!
Хоть чудно-милъ ея нарядъ,
Но ликъ милѣе — ликъ-девица!..
Боярынь пестрыхъ длинный рядъ
Влечетъ грядущая Царица;
И знатныхъ съ нею тма людей,
И свѣчи брачныя предъ ней
Несутъ бояре, щеголяя
Въ своихъ кафтанахъ парчевыхъ.

Еще несутъ два коровая:
По девяти лежитъ на нихъ
Злаченыхъ пѣнязей большихъ.

Въ Палашу шествіе вступаетъ —
И на зголовіе свое
Елена сѣла; вкругъ нее
Привѣтный дружка всѣхъ сажаетъ

»*Иди на дѣло, Государь!*«
Сказали суженому. Царь,
Во *брусяной избѣ столовой*
Сидѣлъ наряженый, готовый.
Представъ невѣстѣ и гостямъ,
Онъ помолился Образамъ...
Всѣ удивилися: »Ахъ, Боже!
Обрилъ онъ Русскую браду! (20.)
Подходитъ старость на бѣду:
Казаться надобно моложе,
А быть съ Еленой *молодымъ!*

Супруга Тысяцкаго имъ
Чесавши кудри, убираетъ
Невѣсту кикой и фатой;
Обоихъ, щедрою рукой,
Душистымъ хмѣлемъ осыпаетъ
Изъ мисы золотой; потомъ
Она собольимъ сорокомъ
На нихъ прохладу навѣваетъ.

Уже опахивали ихъ;
И въ кольца вдѣтыя для нихъ
И обвитыя мѣхомъ свѣчи
Богоявленскими зажгли;
Гостямъ пирники разнесли.
Немного сыру, перепечи
Отвѣдавъ, съ поѣздомъ своимъ
Женихъ воздвигнулся ... за нимъ
Вошла невѣста въ храмъ Успенья —
И рядомъ идутъ по камкамъ,
По драгоцѣнным соболямъ,

Принять завѣтъ благословенья.
Отверзлись двери Алтаря,
Гдѣ блещетъ святости заря....
Первосвятителя явленье
По храму льетъ благоговѣнье!
Въ блестящей ризѣ парчевой
Обрядъ вѣнчанія святой
Онъ велелѣпно совершаетъ.....
Вѣнцы надѣты и дано
Обоимъ фряжское вино;
Василій склянку выпиваетъ
И, бросивъ, мигомъ растопталъ.
На двухъ зголовьяхъ въ храмѣ сѣли;
Имъ многолѣтье звучно пѣли,
И Дворъ ихъ важно поздравлялъ.

Всѣ возвратилися въ Палаты,
Гдѣ приготовленъ пиръ богатый.
Трапезы сладкій часъ настałъ...
А кораван со свѣчами

Относятъ въ спальню *молодыхъ*
И въ кадь пшеницы ставятъ ихъ.
Въ *постельномъ* *сънникъ* коврами
Обиты стѣны; по угламъ
Воткнуты стрѣлы съ калачами
И съ собольми, по сорокамъ.
Есть на кровати *осыпало*, (*)
Двѣ шапки, купье одѣяло,
И двадцать семь сноповъ ржаныхъ
Таятся подъ периной ихъ —
(Такъ встарину всегда бывало!)
Крестъ *воздвизальный* въ головахъ
И двѣ Иконы золотыя:
Христа и Дѣвы Пресвятыя;
Кресты повсюду на стѣнахъ.
Къ сему таинственному мѣсту
Изъ-за стола чета идетъ;
Въ дверяхъ стыдливую невѣсту

(*) Хмѣль и мелкія деньги, чѣмъ осыпали новобрачныхъ.

Царю боярин *выдаст:*
»Бери жену и властвуй ею:
Твои — ея душа и плоть!
Роди дѣтей, будь счастливъ съ нею: —
Да осѣнитъ тебя Господь!
Вкушай любовь, чета-надёжа
Въ сѣни супружескаго ложа!«

Кто ѣздитъ, позднею порой,
Подъ окнами Палаты той,
Гдѣ спятъ обвѣнчанныя души?
Въ блестящемъ шлемѣ, при лукѣ,
Съ мечемъ, на пышущемъ конѣ,
Сурово бодрствуетъ Конюшій!
Хоть трудно стужу превозмочь,
Но будетъ ѣздить онъ всю ночь:
Ему сопутникъ — конь прекрасный!
Ему товарищъ — мѣсяцъ ясный!

Какъ веселъ Царь недѣли двѣ!
Его счастливѣй нѣтъ въ Москвѣ,

Хотя на подданныхъ сходила
Великой свадьбы благодать:
Гулялъ народъ, гуляла рать —
И цѣлый городъ можно было
Тогда *Налейкали* (21.) назвать!
На Кремль потухшимъ окомъ глядя,
Сидѣлъ въ шорьмѣ Еленинъ дядя;
Освобожденный Вассіанъ
На свадьбѣ не былъ, но былъ званъ:
Онъ презрѣлъ грѣшное веселье —
И вспоминалъ, въ смиренной кельѣ,
Черницу въ Суздалѣ!.. Кому жь
Воспоминать о сей несчастной,
Когда забылъ и прежній мужъ!
Елены прелестямъ подвластный,
Онъ, что къ невѣстѣ, пѣженъ къ ней;
Огнемъ веселымъ свѣтятъ взгляды
И, чтобъ для милой быть милѣй,
Всегда наряженый, безбрадый, (22.)
Во всемъ онъ подражаетъ ей;

Своимъ рѣчамъ присвоилъ живость
И перенялъ еще у ней
Инoплеменную учтивость.
Тма Государственныхъ заботъ
Его лица не помрачаетъ;
Онъ быстръ и живъ, и всѣмъ даетъ
Дѣламъ живой и быстрый ходъ
Посолъ изъ Рима предлагаетъ
Чрезъ Русь дорогу въ Индостанъ,
Василью Королевскій санъ,
И брань съ Султаномъ. — Три отказа!
Доволенъ Царь, что Густавъ Ваза,
Сей добрій мужъ, его сосѣдъ,
Его пріязни ищетъ вѣрной:
Да будетъ миръ нелицемѣрный,
Для блага Царствъ, на много лѣтъ! —
И причинитель Шведамъ скорби,
Морской разбойникъ, славный Норби,
Въ знакъ этой дружбы започетъ!
Царь приказалъ гонца отправить,

Чтобъ Карла V-го поздравить;
Онъ дружелюбный шлетъ поклонъ
Францisку плѣнному . . . . Героя
Не обезчестилъ жребій боя!
Два Императорскихъ посла,
Прибывъ въ Можайскъ, имѣютъ цѣлью:
Устроить — къ общему веселью —
Россіи съ Польшею дѣла.
При всѣхъ желаньяхъ миротворныхъ
И, послѣ споровъ и суетъ,
Какой конецъ? Все мира нѣтъ!
Но, въ силу хартій договорныхъ,
Лишь перемирье на семь лѣтъ.
И такъ живили пиръ и радость
Царя насильственную младость.
Но Божій перстъ ему грозилъ
Надъ монастырскими стѣнами,
И тайный слухъ его убилъ:
Всплеснулъ онъ въ ужасѣ руками . . ,
И онъ велѣлъ узнать тайкомъ,

Изподтишка, обинякомъ,
Правдиво ль грозное сказанье?
» Пустое, женское болтанье!«
Сказалъ Шигона, и о томъ
Взялся провѣдать осторожно —
Провѣдать было невозможно:
Никто изъ хитрыхъ вѣстовщицъ
Въ Обитель Суздальскихъ черницъ
Не проникала: ихъ калитка
Доступна только для дѣтей!
Такъ что же сдѣлаетъ злодѣй?
Какая страшная попытка
Дознаться Истины! . . .

Одѣтъ
Дѣвицей Рында! Отрокъ нѣжный,
Лицемъ румяный, бѣлоснѣжный,
Сталъ чудной дѣвочкою — нѣтъ
На ней обманчивыхъ примѣтъ!
И вотъ! малютка, съ просьбой кроткой,
Людьми ниверженной сироткой,

Мила, какъ вешняя заря,
Спопитъ у врать монастыря.
Ее черницы пріютили,
Поцѣловали, полюбили:
Имъ бы пріятно удержать
Младую гостью!....
Въ дальней кельѣ,
Какъ будто въ нѣкомъ подземельѣ,
Таится — Инокиня-мать
Съ грудным младенцемъ! ... Страшно, чудно!
Что съ виду страшно, то признать
Прямой невинностью не трудно! (23.)
Царица-матерь! ты въ слезахъ;
Ты, въ власяной одеждѣ черной,
Питаешь грудью благотворной
Младенца въ бѣлыхъ пеленахъ!
Жена судьбы необычайной!
Твой взоръ къ младенцу обращенъ;
Священной материнства тайной
Твой блѣдный ликъ преображенъ!

» Все полна тоски смертельной,
Сердцемъ ноя и любя,
Тихой пѣснью колыбельной
Убаюкаю тебя!

Ты, мой сынъ, младенецъ милый,
Радость-душенька моя!
Изъ души моей унылой
Составлялась жизнь твоя!

И подъ бурнымъ сердцемъ лёжа,
Словно путникъ подъ грозой,
Ты познался, сынъ-надежа,
Прежде времени съ тоской!

Хоть рожденный отъ Черницы,
Хоть отринутый отцемъ —
Ты законный сынъ Царицы,
И ты могъ бы быть Царемъ!

Коль тебя отвергнутъ люди,
Ангелъ-дитятко мое —

Все у машерииской груди
Царство вѣрное твое!

Упивайся влагой кровной!
Но боюсь: моя тоска,
Слезы, скорбь души любовной —
Не испортили бъ млека.

Что обида, что упрапа?
Воздаятель въ небесахъ!
Я счастлива, я богапа:
Мой младенецъ на рукахъ!

Мой ты, *мой* — и все родное
Мнѣ въ тебѣ возвращено....
Все прекрасное, драгое
Въ миломъ чадѣ мнѣ дано!

Богъ одѣнетъ цвѣтикъ сельный!
Сирота, отецъ твой — Богъ!
На подушкѣ колыбельной
Самъ Господь съ тобой возлегъ.

Спи, мой сынъ! Храни, о Боже,
Чадо бѣдное твое!
Спи, мой сынъ, на зыбкомъ ложѣ,
Подъ баюканье мое! «

Повѣдай, мать! какіе звуки
Передаютъ любовь твою?
Твои восторги, слезы, муки
Оцѣнятъ Ангелы въ раю!
Тамъ новый есть переселенецъ ....
Черница-мать, се твой младенецъ!
Такъ отравила грусть-тоска
Струи священнаго млека!
И такъ сбылося предвѣщанье!
Прекрасный Рында обо всемъ
Свое ведетъ повѣствованье
Предъ тихо-плачущимъ Царемъ:

» Я приласкался къ ней успѣшно:
То съ ней бесѣдовалъ утѣшно,
То плакалъ съ ней. Меня она,

Какъ мать родная, полюбила;
Меня, въ часы дневнаго спа,
Качать малюпочку просила.
Ты не видалъ его! и ты
Ей, сй, ты бъ полюбилъ душою
Младенца, чудной красоты —
Онъ былъ твой сынъ, забытъ тобою!
Какъ Ангелъ, въ люлькѣ онъ лежалъ,
И ликъ, что звѣздочка, сіялъ!
Его краса была красою
Дипяти Царскаго! его
Любила мать, не какъ черница,
Но какъ мірянка, какъ Царица!
Забывъ и Бога Самого,
Ласкала милое рожденье —
Прости Господь ей согрѣшенье!
Господь казнилъ ее за грѣхъ:
Младенецъ умеръ — бѣдный, милый!
По лику, бѣлому какъ снѣгъ,
Вился голубыя жилы;

Потухли свѣтлые глаза,
Твоимъ подобные! На щечкѣ,
Какъ бы росинка на цвѣточкѣ,
Стояла смертная слеза.
Скажу ль о матери несчастной?
Увы! съ душой, къ младенцу страстной,
Она монашескую сѣнь
Безумнымъ воплемъ оглашала;
Въ слезахъ и блѣдная, какъ пѣнь,
Дитя изъ гроба вынимала,
Какъ бѣсноватая кричала:
Уже ль онъ умеръ! охъ, проснись!
Охъ, ради Бога, улыбнись,
Заплачь, открой же ясны очи!
Мой сынъ! бери же наконецъ
Млекомъ исполненный сосецъ —
Мой сынъ! просить уже нѣтъ мочи!«
То было страшная бѣда:
Младенца смятый трупъ всегда
У ней насильно отнимали....

Соборомъ цѣлымъ погребали
Младенца Царскаго . . . И мать —
Увы! не дай Богъ такъ спрадать —
Вели за гробомъ двѣ черницы . . .
Всѣ были къ ней обращены
Слезоточительныя лицы:
Судьба развѣнчанной жены,
Печаль оппергнутой Царицы,
Безумье матери-черницы —
Весь монастырь тонулъ въ слезахъ!
Она рвалась въ могильный прахъ,
На все отважиться готова:
»Меня туда же: онъ мой сынъ!«
Печальный инокъ изо Пскова
Ее поддерживалъ одинъ!«

Умолкнулъ Рында. Безутѣшный,
Главой поникнулъ бѣдный Царь:
»Прости, Господь! проступокъ грѣшный!
Великій, добрый Государь

Погибъ въ лицѣ сего дитяти!
Мой сынъ! ты молніей сверкнулъ —
Явленьемъ Божьей благодати!
И я, несчастный! я дерзнулъ
Не слушать славнаго Провидца!
Я солнце красное столкнулъ
Въ могильный мракъ... Моя зѣница
Болитъ опять слезъ; какъ червь, грызетъ
Злодѣйка-совѣсть, душу жжетъ,
Какъ уголь горящій! Мать-черница,
О Соломонія моя!
Уже ль всему причина — я?
И ты виновенъ, ты, Шигона!
Ты смѣлъ завлечь меня за грань
Царевой чести и закона!
Твоя убійственная длань
Меня сразила — Дьяволъ! бѣдствуй
Въ дальнѣйшей ссылкѣ навсегда —
Подъ гнѣвомъ царственнымъ отвѣтствуй
За преступленье въ день суда!

Мой сынъ родной! малюпка милый!
Зачѣмъ опшелъ ты въ сѣнь могилы?
Погибнуть — страшно! жить — нѣтъ силъ!
Сюда, вы, Люевъ, Феофилъ!
Скажите: знаете ль вы зелье,
Чѣмъ возстановится опять
Души спокойство и веселье?
Чего никто не могъ узнать,
Врачи мудрѣйшіе, узнайте!
Мои друзья! изобрѣтайте
Искусство — совѣсть врачевать....
Я васъ осыплю златомъ!«
Много
Онъ пролилъ горькихъ слезъ въ тиши;
Онъ жилъ затворнически строго
Съ однимъ раскаяньемъ души.

Прошло три года. Грусть по сынѣ
И чувство гибельной вины
Исчезли въ добромъ властелинѣ
Предъ миловидностью жены:

Любовью сердце оживлялось
Среди державной суеты,
И непримѣтно распускалось
На жаркомъ солнцѣ красоты!
Прошло три года: опъ Царицы
Нѣтъ вожделѣннаго плода!
Она печальна: иногда
Слезою влажились рѣсницы.
Василій — памятенъ ему
Зловѣщій шокъ! потому,
Любя народъ, желать не смѣя
Дитяти — страшнаго злодѣя —
Своей покорствовалъ судьбѣ,
И съ умиленіемъ глубокимъ
Молилъ прощенія себѣ,
Когда по пустынямъ далёкимъ,
Среди песковъ, въ тяжелый зной,
Съ чадопросящею женой
Убого странствовалъ.

Что значатъ

Веселье, шумъ и суета?

Въ восторгѣ Царская чета:

Богъ милосердъ! —

»Губитель зачатъ!«

Воскликнулъ праведный черецъ:

»Россія! будущее грозно!

Молись со мной, молися слезно:

Тебя да милуетъ Творецъ!«

Послалась дума Васcіана

Среди кроваваго тумана

Грядущихъ дней.

»Честный Отецъ!

Ты мнѣ простишь ли оскорбленье?«

Сказалъ, къ нему вошедшій вдругъ,

Веселый Царь; »ты былъ мой другъ,

Любви наставникъ, умиленье (24)

Души моей! будь имъ опять:

Я безъ тебя нуждаюсь въ другѣ!

На молодой моей супругѣ
Днесь возсіяла Благодать...
Возвеселишься ль ты со мною?«
— Господь тебя проспи: съ тобою
Да будетъ миръ! —
«Я человѣкъ:
Я въ гнѣвѣ казнь твою изрекъ...
Увы, ты истину повѣдалъ:
Всевышній сыну моему
Быть нашей радостію не далъ!
Пророкъ! глаголу твоему
Всегда повѣрю; но *иное*
Дай предвѣщанье о впоромъ
Грядущемъ дитяткѣ моемъ —
Ахъ, да не будетъ *чадо злое!*
Слезами Бога умолю,
Хранишь младенца дорогаго!
Я окрещу́ его велю
У раки Сергія Святаго!
Я церкви златомъ одарю,

Я всѣ темницы отворю,
Прощу опальныхъ — проклятаго
Шигошу тоже!... Всѣ со мной
Мои возрадуются люди,
Когда ласкающей рукой
Прижму младенца къ отчей груди!
Господь нарекъ меня отцемъ!
Узнаю чувствіе святое:
На руки брать дитя родное!
Честный Отецъ! Молю: о немъ
Мнѣ дай пророчество иное!«

— »Мой Царь! Я темный человѣкъ;
Сокрыты будущности сѣни —
И не сподобился мой вѣкъ
Иныхъ и лучшихъ откровеній!
Свершится родины судьба!
Быть можетъ, Царская мольба
Еще умилостивитъ Бога —
И мимойдетъ чаша бѣдъ,

Скорбящихъ смертная тревога,
Потомства казнь! Когда же нѣтъ,
Такъ Русскихъ твердое терпѣнье
Заслужитъ міра удивленье! « —

Давно въ народѣ шла молва
О зловѣстительномъ сказаньи;
Съ родовъ черницы вся Москва
Уныла въ робкомъ ожиданьи
Событья страшнаго; съ тѣхъ поръ
Объ этомъ тайный разговоръ.
Слухъ про беременность Царицы,
Какъ неожиданный испугъ,
Открылъ народныя зѣницы —
И прокатился громкій слухъ
По всей Россіи!
Приближался
День разрѣшенія судьбы —
И возносилися мольбы,
И вѣщій инокъ сокрушался.

И день насталъ, день роковой,
Ознаменованный бѣдой!
Царица страждетъ ..... и толпами
Москва воздвигнулась — народъ
Уныло-шумными волнами
На площадь красную течетъ.
Восходитъ черныхъ тучъ громада
Умножитъ тайный ужасъ града,
И неба чистую лазурь
Вмигъ поглотила челюсть бурь.
Отверзты храмы: всѣхъ скорбящихъ
О семъ событьи роковомъ,
Туда и всѣхъ душой болящихъ
Сзываютъ благовѣстъ и громъ.
Народъ глаза вперяетъ въ тучу —
И, словно агнцевъ стадо, въ кучу
Сбѣжались робкія пюлпы —
И страхомъ скованы стопы.
Ужасной молніи разливы — (25.)
Какъ будто на небѣ пожаръ!

И змѣевидные извивы,
И вдругъ грохочущій ударъ —
Какъ бы обрушился своды
Велико-древнія Природы. —
И мужъ юродивый стоитъ (26.)
И величаво и спокойно;
Подъ гулъ громовъ поетъ неспройно,
И громко черни говоритъ:
«Внемлите мнѣ: родится *Титъ*,
Широкій умъ! Но горе, горе
Младенцамъ вашимъ принесетъ:
Ихъ кровь, что разливное море,
По всей Россіи потечетъ!
Вопъ мѣсто лобное, вопъ плаха —
Потомства слышу плачъ и стонъ,
И, словно ангелъ гнѣвный, *онъ*,
Въ священной Шапкѣ Мономаха!«

Одинъ въ толпѣ.

Молчи, юродивый! не ври,
И не пугай насъ по пустому!

Второй.

У Русскихъ добрые Цари
Всегда бывали; говори
Иную рѣчь!

Юродивый Домитіанъ.

Внемлите грому —
Се гласъ Господень! по иному
Не вѣщенъ онъ! Грядущій Царь
Великій будетъ Государь,
Невѣрныхъ доблестный смиритель,
Искусенъ въ дѣлѣ боевомъ,
Повсюду славенъ и добромъ,
Но страшный Ангелъ-истребитель —
И въ грозной ярости своей
Онъ жадно съѣстъ своихъ дѣтей!

Народъ (перекрестясь.)

Господь! Помилуй насъ!

Третій.

Мы гнѣва
Вельми боимся пѣвоего!

Не разперзай насъ до того,
Что жизнь не въ жизнь! Вина Царева —
Не наша!

Первый.

Братцы! что же вы
Упали духомъ и главы
На грудь склонили малодушно?
Не разоритъ же насъ въ конецъ
Господь, небесный нашъ Отецъ!
Потерпимъ крѣпко и послушно:
Такъ сердце этого Царя
Въ рукѣ Господней будетъ тоже!
Ты облеки насъ въ крѣпость, Боже!
Исчезнетъ тма — взойдетъ заря...
Всѣмъ помощь Богъ — а мы другъ другу!
Молитесь, братцы, за Царя
И за болящую Супругу!

Домитіанъ.

Молчите!
Молніей одной

Необычайно вспламенилась
Обширность выси тучевой...
И на колѣна черпь склонилась...
Ужасный трескъ, сильнѣйшій громъ —
Не въ небѣ ль сдѣлался проломъ!
И весь народъ палъ ницъ — молчанье...
И Глинскій съ *Краснаго крыльца*
Гласитъ благую вѣсть Дворца...
И страшно бури завыванье —
Во всѣ звонятъ колокола;
Народа слышно ликованье;
Одинъ лишь мигъ — опять молчанье!
То вѣсть ужасная была —
Россіи жребій совершился:
Возплачь, народъ! Іоаннъ родился!...

ЭПИЛОГЪ.

Онъ отшумѣлъ свой бурный вѣкъ,
Сей *Грозный*, страшный человѣкъ!
Довольно родина казнилась
За преступленіе Царя!
По долговѣчной ночи явилась
Обѣщованная заря...
Какъ солнца вешнія, вставали
Благословенные Цари —
И благъ народныхъ алтари
Небеснымъ свѣтомъ озаряли!
Счастливой юностью горя,
Россія красная сіяетъ —
Ее Господь благословляетъ
За добродѣтели *Царя*.

ОПЕЧАТКИ

Напечатано:			чишать:
Стран.	*стихъ.*		
31	— 5	скрыжалей	скрижалей.
69	— 2	Онѣ оповились...	Онѣ готовились

ПРИМѢЧАНІЯ.

1.) Въ 1521-мъ году Магмепъ-Гирей, набѣжавъ на Москву, вынудилъ у Василія грамоту, въ которой Великій Князь призналъ себя данникомъ Крыма. Ханъ отступилъ къ Рязани, хотѣлъ хитростью взять крѣпость, и для того послалъ оную грамоту къ начальствующему тамъ Окольничему, Хабару Симскому, въ удостовѣреніе, что война кончилась. »Число Литовцевъ и Татаръ непрестанно умножалось подъ стѣнами, до самаго того времени, какъ Рязанскій искусный пушкарь, Нѣмецъ Іорданъ, однимъ выстрѣломъ положилъ ихъ множество на мѣстѣ: остальные въ ужасѣ разсѣялись. Торжество Симскаго было совершенно: онъ спасъ не только Рязань, но и честь Великокняжескую: постыдная хартія Московская осталась въ его рукахъ. Описаніе столь знаменитой услуги внесли въ книги Розрядныя и въ Родословныя, на память вѣкамъ. См. Ист. Гос. Росс. томъ 7.

2.) Славный Константинъ Острожскій, измѣнивъ данной имъ Василію присягѣ, бѣжалъ въ Литву. Онъ одержалъ блестящую побѣду надъ Русскими при Оршѣ; но слава его затмилась подъ Опочкою,

передъ рѣдкимъ мужествомъ Салтыкова: » Россіяне загладили стыдъ Оршинской битвы, возложивъ на Константина знаменіе бѣглеца, по выраженію одного Лѣтописца. « (Тамъ же)

3.) Въ 1523 году, когда Князь Шемякинъ невинно былъ заключенъ въ темницу, какой-то умный шутъ по Москвѣ ходилъ изъ улицы въ улицу съ метлою и кричалъ: » время очистить Государство отъ послѣдняго сора, « т. е. избавить оное отъ послѣдняго Князя удѣльнаго. (Тамъ же).

4.) См. 276 примѣчаніе къ VII тому И. Г. Р.

5.) Люевъ и Феофилъ были знаменитые Нѣмецкіе лекари при дворѣ Вел. Князя.

6.) Георгій Малый Траханіотъ, Грекъ, выѣхавшій съ Вел. Княгинею Софіею. Зная способности и необыкновенный разумъ его, Велик. Князь совѣтовался съ нимъ о важнѣйшихъ дѣлахъ, и для того приказывалъ знатнымъ чиновникамъ возить его нездороваго во дворецъ, на *тележкѣ*. (Тамъ же, извлеч. изъ Герберштейна.)

7.) Грекъ Максимъ, ученый Инокъ славной Обители Благовѣщенія, на горѣ Аоонской. » Онъ, по желанію Государеву, перевелъ Толковую Псалтирь. Одобренная

Митрополитомъ и всѣмъ Духовнымъ Соборомъ, сія важная книга, прославивъ Максима, сдѣлала его любимцемъ Вел. Князя, такъ что онъ не могъ съ нимъ разстаться и ежедневно бесѣдовалъ о предметахъ Вѣры. Гордый Митрополитъ Даніилъ объявилъ себя врагомъ чужеземца. Одни доказывали, что онъ еретикъ, другіе представили его Вел. Князю злоязычникомъ, неблагодарнымъ, втайнѣ осуждающимъ дѣла Государевы. Сіе было во время развода Василія съ Соломоніею: увѣряютъ, что сей благочестивый мужъ дѣйствительно не хвалилъ онаго; по крайней мѣрѣ находимъ въ Максимовыхъ творепіяхъ *Слово къ оставляющимъ женъ своихъ безъ вины законныя.* Умѣли довести Государя до того, что онъ велѣлъ судить Максима: обвинили его и заключили въ одинъ изъ Тверскихъ монастырей.« (См. Карамз.)

8.) Софія хотѣла сына, и вмѣстѣ съ супругомъ печалилась, что Богъ не исполняетъ ихъ желанія. Для сего она ходила пѣшкомъ молиться въ Обитель Троицкую, гдѣ, какъ пишутъ, явился ей Св. Сергій, держа на рукахъ своихъ благовиднаго младенца, приближился къ Велик. Княгинѣ и *ввергнулъ его въ ея пѣдра*: Софія затрепетала отъ видѣнія, столь уди-

вительнаго; съ усердіемъ облобызала мощи Святаго, и чрезъ девять мѣсяцевъ родила сына, Василія-Гавріила. Сію повѣсть разсказывалъ самъ Василій (уже будучи Государемъ) Митрополиту Іоасафу.« (II. Г. Р. томъ 6.)

9.) Основою этой пѣсни служатъ слова Псковскаго лѣтописца: »Изчезла слава Пскова, плѣненнаго не иновѣрными, но своими братьями Христіанами. О градъ нѣкогда Великій! Ты сѣтуешь въ опустѣніи! Прилетѣлъ на тебя Орелъ многокрылый съ когтями львиными, вырвалъ изъ нѣдръ твоихъ три кедра Ливанскіе: похитилъ красоту, богатство и гражданъ; раскопалъ торжища или заметалъ дрязгомъ; увлекъ нашихъ братьевъ и сестеръ въ мѣста дальнія, гдѣ не бывали ни отцы ихъ, ни дѣды, ни прадѣды!« (II. Г. Р. томъ 7.)

10.) Сынъ старшаго брата Васильева, »нышно вѣнчанный и сверженный съ престола въ темницу. Василій не хотѣлъ быть великодушнымъ: ненавидя племянника, помня дни его счастія и своего уничиженія, онъ безжалостно осудилъ сего юношу на самую тяжкую неволю, сокрылъ отъ людей, отъ свѣта солнечнаго, въ тѣсной, мрачной палатѣ. (Тамъже)

11). См. примѣч. 5.

12.) Новгородъ и Псковъ »сходствовали во всѣхъ ихъ учрежденіяхъ и законахъ; но Псковитяне имѣли особенную степень гражданскую, такъ называемыхъ *Дѣтей Посадничьихъ*, ставя ихъ выше купцевъ и житейскихъ людей: слѣдственно изъявляли еще болѣе уваженія къ сану Посадниковъ, давъ ихъ роду наслѣдственную знатность.« (И Г. Р. томъ 7.)

13.) »Смерть возвратила Димитрію права Царскія: Россія увидѣла его лежащаго на великолѣпномъ одрѣ, торжественно отпѣваемаго въ новомъ храмѣ Св. Михаила и преданнаго землѣ подлѣ гроба родителева.« (Тамъ же.)

14.) Псковитяне сказали Долматову: »Господинъ Посолъ! Лѣтописцы наши свидѣтельствуютъ, что *добровольные* Псковитяне всегда присягали Велик. Князьямъ въ вѣрности: клялися непреложно имѣть ихъ своими Государями, не соединяться съ Литвою и съ Нѣмцами; а въ случаѣ измѣны подвергали себя гнѣву Божію, гладу, огню, потопу и нашествію иноплеменниковъ. Но сей крестный обѣтъ былъ взаимнымъ Вел. Князья присягали не лишать насъ древней свободы; клятва та же, та же и казнь преступнику и пр. (Тамъ же.)

15.) »Увезли въ Москву триста семействъ. Другихъ среднихъ и младшихъ гражданъ отпустили въ домы, съ увѣреніемъ, что имъ не будетъ *развода*. Многіе, не вѣря обѣщанію и боясь ссылки, постриглись, мужья и жены, чтобы умереть на своей родинѣ. (Тамъ же.)

16.) Псковитянинъ — вводное лице. На немъ отражаются три темныхъ дѣянія Царя, за которыя, по естественному суевѣрію, Царица пребываетъ неплодной;—и такъ этотъ человѣкъ будто властенъ своимъ прощеніемъ снять заклятіе съ Соломоніи: такимъ образомъ поэтически объясняется ея позднее чадородіе, основанное на преданіи »любопытномъ, хотя и не достовѣрномъ: носился слухъ, что Соломонія, къ ужасу и безполезному раскаянію Вел. Князя, оказалась послѣ беременною, родила сына, дала ему имя Георгія, тайно воспитывала его и не хотѣла никому показать, говоря: въ свое время онъ явится въ могуществѣ и славѣ.« (Карамз. изъ Гербершгейна.)

17.) Сочинитель приписываетъ оное пророчество Васіану, но по выпискѣ изъ грамоты Паисія, старца Ѳеранонтовой Обители, оно принадлежитъ Іерусалимскому Патріарху, именемъ Марко: »если

женишься вторично, то будешь имѣть злое чадо; Царство твое наполнится ужаса и печали, кровь польется рѣкою, падутъ главы вельможъ, грады запылаютъ,« и пр. (И. Г. Р. томъ 7, прим. 277.)

18.) Тамъ же сказано, что Вел. Князь хотѣлъ знать мнѣніе Старца Симоновскаго, Вассіана, о разводѣ съ Соломоніею, именуя сего мужа подпорою Державы, *успѣшеніемъ* души своей, *веселіемъ бесѣды*, *наставникомъ любви*; что Вассіанъ объявилъ замышляемый имъ второй бракъ прелюбодѣяніемъ; что раздраженный Государь велѣлъ отвезти дерзкаго старца въ Чудовъ монастырь, подъ стражу. — »Чтобъ обмануть законъ и совѣсть, предложили Соломоніи добровольно отказаться отъ міра: она не хотѣла. Тогда употребили насиліе: вывели ее изъ Дворца, постригли въ Рожественскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ; увезли въ Суздаль и тамъ въ женской Обители, заключили. (И. Г. Р. томъ 7.)

19.) Тамъ же. »Увѣряютъ, что несчастная противилась совершенію беззаконнаго обряда, и что сановникъ Великокняжескій, Иванъ Шигона, угрожалъ ей не только словами, но и побоями, дѣйствуя именемъ Государя.

20.) Герберштеинъ. R. M. com. 96. Cum enim alteram uxorem duxisset, totam barbam abraserat: quod nunquam ab alio principe factum perhibebant.

21.) Въ будни запрещалось Русскимъ пить; одни иноземные воины, служа Государю за деньги, имѣли право быть невоздержными въ употребленіи хмѣльнаго: для чего слобода за Москвою рѣкою, гдѣ они жили, именовалась *Налейками*, отъ слова *наливай*. (И. Г. Р. томъ 7.)

22.) »Любя юную супругу, Василій желалъ ей нравиться не только ласковымъ обхожденіемъ съ нею, но и видомъ молодости, которая отъ него удалялась: обрилъ себѣ бороду и пекся о своей пріятной наружности. (Тамъ же.)

23.) См. 16-е примѣчаніе.

24.) См. 18-е примѣчаніе.

25.) »Пишутъ, что въ самую ту минуту земля и небо потряслися отъ неслыханныхъ громовыхъ ударовъ, которые слѣдовали одинъ за другимъ съ ужасною, непрерывною молніею.« (И. Г. Р. томъ 7.)

26.) »Какой-то юродивый мужъ, именемъ Домитіанъ, объявилъ Еленѣ, что она будетъ матерію *Тита, широкаго ума*. (Тамъ же.)

Ф. 56911

308